

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УБИЙСТВЕННО КРУТОЙ ДЕТЕКТИВ

Глава 1

В последнем «сидячем» вагоне ехали пятеро. Двое читали, один смотрел в окно, один спал, один ковырял в носу. Поезд шел через всю Канаду, от Ванкувера до Монреаля. Четырнадцать с половиной часов назад он вышел из Виннипега, а в Монреаль прибывал больше чем через сутки. И предполагалось, что к моменту прибытия в Монреаль один из пятерых — ваш покорный слуга — будет мертв.

Если кто-то из пятерых и был знаком друг с другом, ни один этого не показывал. Напротив, как это часто бывает в поездах, все старательно не замечали остальных. Пытались вычислить друг друга — аккуратно, не привлекав внимания остальных, — лишь двое: я и тот, что планировал меня убить.

Я машинально перелистывал страницы книги — Лириан Беквит «Одинокие холмы». Пейзаж за окном подсказывал, что не только холмы бывают одинокими. Одиночеством веяло и от бесконечной заснеженной степи, раскинувшейся за окном. Вокруг меня царило одиночество.

Тот мой сосед, что читал «Тайм лайф», встал, покачнулся вместе с вагоном и начал пробираться к выходу, по дороге наступив мне на ногу.

— Извините, — сказал он.

— Все нормально, не стесняйтесь, — ответил я.

Сосед, как видно, не понял, что на это ответить, — и ничего отвечать не стал. Несколько секунд постоял нерешительно в дверях, затем скрылся в соседнем вагоне. Я встретился взглядом с тем, кто ковырял в носу; он опустил глаза, затем дважды взглянул украдкой в мою сторону. Оба раза обнаружил, что я все еще на него смотрю; снова опустил глаза, нахмурился, выдернул палец из носа и начал пристально рассматривать его, словно ученый, желающий установить, как подействовало на объект пребывание в незнакомой среде.

Тот, что смотрел в окно, поднял руку и принялся ощупывать подбородок и щеки в поисках щетины. Не найдя там зарослей, удовлетворенно кивнул, откинулся на сиденье и стал смотреть в потолок.

Тот, что спал, ритмично покачивал головой вверх-вниз вместе с движениями вагона, причем его рот то открывался, то закрывался. Как рыбы в аквариуме — те тонкие тропические рыбы, что скользят среди водорослей, плясь на мир бессмысленными круглыми глазами.

На последней станции я видел плакат: группа бодрых седовласых старичков в спортивных костюмах бежит по полю, и подпись: «Мы становимся не старше; мы становимся лучше».

Становимся лучше... Интересно, в чем? Я определенно становлюсь старше — и, на мой вкус, слишком быстро, — но совершенно точно ни в чем не улучшаюсь. А жаль. Нужно знать и уметь куда больше, чем я, дабы удержаться в этой странной, непредсказуемой, соблазнительной игре, что фаталисты именуют «судьбой», священники — «путями Господними», а биологи — «жизнью».

Сейчас ключ к моей жизни хранится в портфеле — портфеле на багажной полке, над головами у четырех моих спутников. Всего портфелей там пять. Два черных

«Самсонайта», два дешевых кожаных портфеля из тех, что делаются в Гонконге и продаются по почтовой рассылке через рекламные объявления в глянцевах воскресных приложениях, и один «Гуччи» — настоящий, не подделка.

Один «Самсонайт» можно вычеркнуть — это мой. Значит, остаются четыре. Содержимое одного из них сообщит мне, кто хочет меня убить; впрочем, разумеется, убийца не станет открывать портфель у меня на глазах.

Крайне маловероятно, что мужчина, взяв с собой в долгое путешествие портфель, ни разу его не откроет. Даже в часовой поездке на автобусе большинство из нас хоть раз да щелкнут замком. Если поездка длится часа четыре, человек, так и не открывший портфель, привлечет внимание любого, кому достанет любопытства это заметить. А мне сейчас любопытства было не занимать.

Я отложил книгу, достал «Нью-Йорк санди таймс» и развернул на странице с кроссвордом. Вытащил из кармана золотую шариковую ручку «Кросс», в задумчивости сунул ее в рот. Обвел вагон рассеянным взглядом, пару раз постучал колпачком по зубам и снова опустил глаза на кроссворд. «Граница между свободой и рабством, разделившая народ», девятнадцать букв. А черт его знает! Обычно я кроссворды люблю: они помогали скрашивать долгие и скучные часы слезки, когда читать нельзя, чтобы не упустить чего-то важного, а угадывание слов дает хоть какую-то пищу уму. Однако сейчас пищи для ума у меня и так было достаточно. Передо мной стояла загадка куда более сложная, и, если не разгадать ее быстро, один английский пенсионный фонд с облегчением узнает, что ему предстоит платить на одну пенсию меньше. Прищурившись, я вглядывался в кроссворд — однако в буквах на бумаге не было ключей, способных мне по-

мочь. Ключи хранились в другом месте — в цифрах на вращающемся циферблате, спрятанном в моей ручке.

Прошло еще несколько минут, и я почувствовал, что затекает правая нога — в пятнадцатый раз за день. Попробовал ею пошевелить: стало чертовски больно. Надо пройти, подумал я, — если, конечно, смогу встать. С самой посадки на поезд в Виннипеге прошлым вечером я не поднимался с места, если не считать одного короткого похода в туалет. Опустил сиденье, чтобы поспать, снова поднял утром, чтобы съесть завтрак на подносе. Голова раскалывалась, из носа текло, и выглядел я, должно быть, как наглядное доказательство преимущества авиаперелетов.

Запомнив, как лежат портфели — на случай, если какой-то из них сдвинется с места, — я захромал по проходу в соседний спальный вагон первого класса. И там увидел ее. Она сидела в отдельном купе и, когда я проходил мимо, на миг подняла глаза. Наши взгляды встретились. На ее лице ничего не отразилось. Сейчас она была рыжеволосой и в очках, при прошлой нашей встрече — блондинкой без очков. Два года прошло: достаточно, чтобы измениться, слишком мало, чтобы забыть. Неужели обо-
знался?

Глава 2

Все началось пасмурным сентябрьским утром почти четыре месяца назад. Человек, позвонивший мне, воспользовался кодом одного из наших ливийских оперативников — и, судя по голосу, умирал от страха.

Поначалу, когда его переключили на меня, я даже не понял, что он боится. Подумал: просто нервничает от того, что не может толком со мной объясниться, как ча-

сто случается с людьми, говорящими на плохо знакомом языке.

- Алло! Мистер Флинн? Я Ахмед.
- Да?
- Как поживаете?
- Спасибо, прекрасно. Что вам нужно?
- Простите?
- Что вам нужно? Че-го вы хо-ти-те?
- Нет, это я, Ахмед.

Может, какой-то страховщик с Ближнего Востока, переехав в Англию, совершает здесь свой первый «холодный» обзвон?.. В общем, я едва не бросил трубку. Как теперь понимаю, лучше бы бросил. Для обоих нас лучше.

— Я звонить за Дональд Фроум. Он в беда. Пожалуйста-ста, приезжать!

- Что за беда?
- Простите?
- Какая беда случилась с Дональдом Фроумом?

— Пожалуйста! Я не могу говорить. Пожалуйста, приезжать! Мужской туалет, отель «Ройял Ланкастер», двенадцать часов. Приезжать! Пожалуйста!

В трубке раздались гудки.

Я взглянул на часы: почти половина двенадцатого. Ловушка? Вряд ли. Неведомый Ахмед говорил по-настоящему испуганно. Можно подделать немало эмоций, но труднее всего изобразить страх — а у меня до сих пор звенело в голове от дрожи в его голосе.

Такси я отпустил за пару сотен ярдов от Бейзуотер-роуд: пробок в этот час не было, я успевал раньше назначенного времени и не хотел крутиться, привлекая к себе внимание, ни в холле отеля, ни в уборной.

Погода не радовала. Весь июнь, июль и август с небес лило без передышки. В сентябре синоптики обещали бабье

лето, но и оно куда-то провалилось — или, скорее, утонуло. Я брел под морозящим дождем, сунув руки в карманы, и предавался унынию. Жизнь и так дерьмо, а теперь еще дни становятся все короче, воздух все холоднее, впереди долгая, долгая зима и беспроглядная темень.

Мне тридцать два, и восемь лет я проработал на МИ-5¹. Да, восемь лет назад большую часть чудесного лета я провел в Париже. Там-то на меня и наткнулись искатели талантов из МИ-5 — и невесть с чего решили, что такой сомнительный тип идеально вольется в их дружную компанию. Меня самого, разумеется, не спрашивали. Договорились по-приятельски с коллегами из парижской «Сюртэ»², подставили меня и упекли в парижскую каталажку с перспективой не выйти оттуда до пенсии — если не соглашусь присоединиться к английской разведке.

Строго говоря, виноват был, конечно, я сам. Подвела жажда легких денег. Однако требовать за свою помощь пожизненной верной службы — на мой взгляд, алчность куда более серьезная. Со временем я смирился, хотя порой задумывался о том, что жизнь моя могла бы сложиться совсем иначе.

Терпеть не могу бумажную работу, а в МИ-5 мои обязанности состояли из бумажной работы почти целиком. Меня прикрепили к С-4 — антитеррористическому отделу и поручили готовить для моего шефа, директора МИ-5 сэра Чарльза Каннингэм-Хоупа, более известного как Файфшир, настоящую энциклопедию террористов Соединенного

¹ МИ-5 (*англ.* MI-5) — служба контрразведки Великобритании.

² «Сюртэ насьональ», «Сюртэ» («Безопасность») — Главное управление национальной безопасности Министерства внутренних дел Франции.

Королевства. Уверен, ему представлялся этакий глянцевый фолиант размером с кофейный столик, из тех, что дарят друзьям на день рождения, и чтобы на каждой странице — красочная фотография террориста, а под ней несколько строк об ареале его обитания, рационе и брачных ритуалах. Однако к делу Файфшир подходил очень серьезно. Наступая на пятки МИ-6¹ (любимое его занятие), он разработал амбициозную программу проникновения во все ключевые террористические организации мира. Дональд Фроум сумел внедриться в лагерь Марзук — Итон среди тренировочных лагерей полковника Каддафи — и несколько месяцев поставлял нам оттуда поистине бесценную информацию. Если он попал в беду — это очень, очень плохо. Для него, конечно, не для нас; но беднягу было чертовски жаль.

Я подошел к гостинице — мрачному серому зданию — и вошел через вращающуюся дверь.

Внутри гостиница выглядела, пожалуй, еще мрачнее, чем снаружи. Возле сумрачного ряда киосков с сигаретами, конфетами, газетами и бреймарскими свитерами было на удивление пусто, продавцы скучали за прилавками. Несколько гостиничных служащих в форменных костюмах вяло тусовались по углам. Никто не проявил ко мне интереса.

Я поднялся по лестнице, прошел по коридору мимо ряда стендов и обнаружил мужской туалет. Там было пусто. Едва я открыл воду, чтобы не торчать здесь без дела, как дверь отворилась и в уборную влетел араб в грязной белой джеллабе² и коричневых сандалиях. Лет тридцати

¹ МИ-6 (англ. MI-6) — служба внешнеполитической разведки Великобритании.

² Д ж е л л а б а — традиционная берберская одежда, представляющая собой длинный, с остроконечным капюшоном свободный халат с пышными рукавами; распространена в странах Северной Африки.

пяти, маленький и щуплый, он обвел помещение затравленным взглядом, поднял испуганные глазки на меня — и, не трудясь спрашивать, кто я, заговорил торопливо и сбивчиво:

— Пожалуйста, пожалуйста! Сюда! Сюда! Чтобы нас никто не видит! — И замахал руками по направлению к кабинкам.

Затем подбежал к входной двери и подсунул под нее монету — скрежет предупредит, если кто-то войдет. Почти втолкнул меня в кабинку, сам вбежал в соседнюю. Я приспустил штаны, чтобы любой, кто заглянет под дверь, не увидел ничего необычного, и сел.

— Спасибо, что прийти! Спасибо! — воскликнул араб.

— Друг мой, все хорошо.

— Я быстро!

— Не спешите.

— Дональд Фроум очень, очень плохо! Я думаю, он умереть.

— Что случилось?

— Его поймать. Не знаю как. Не знаю. Кто-то его раскрыть. Он передать мне послание для вас. Он записать. Я слишком бояться, я прочитатъ и сжечь. Он говорить, это очень важно, говорить, обязательно передать вам... Мне трудно, я плохо говорить английский...

— Ничего, продолжайте.

— Он писать английский, я плохо понимать, нельзя никто попросить помочь... Он сказать главное: «Операция Ангел». Самое главное. «Операция Ангел». Много стран. Очень, очень плохо! Ядерные станции — они взорваться...

— Кто их взорвет?

Монета скрипнула на мраморном полу. Послышались шаги — щелканье подошв сандалий. Еще один араб.

— Ахмед! — позвал кто-то шепотом.

Араб в кабинке рядом со мной ответил что-то, чего я не понял. Затем раздался треск: слетела с петель дверь кабинки. За треском последовал крик ужаса, секунду спустя превратившийся в вопль невыносимой боли. Вопль оборвался; донесся странный булькающий звук. Одной рукой натягивая штаны, другой я выхватил из кобуры «Беретту». Снаружи вновь послышалось щелканье сандалий — быстрые удаляющиеся шаги, хлопнула дверь.

Я вылетел наружу, на ходу застегивая ширинку, и бросился к кабинке Ахмеда. Дверь, снесенная с петель, болталась на задвижке. На унитазе сидел залитый кровью труп. Голова Ахмеда, почти отрубленная, упала на грудь под странным углом, и целый фонтан крови заливал джеллабу. Руки его были раскинуты и неподвижны, но еще дергалась левая щека.

Рвотные позывы подступили к горлу: я сглотнул, чтобы удержать тошноту. Ахмед говорил правду, и только что я получил лучшее тому подтверждение.

В ужасе смотрел я на труп человека, только что говорившего со мной. Но скоро ужас сменился яростью. Будь прокляты эти ублюдки-террористы, рыщущие по моему городу — по моему миру! Я найду убийц и преподам им урок, какого они никогда не забудут!

Я бросился в коридор. Там никого не было. Промчался до фойе и заметил, как захлопывается боковая дверь. Не раздумывая, выбежал в эту дверь — и как раз вовремя: увидел, как араб буквально прыгает на заднее сиденье грязного серого «Фиата» и машина срывается с места.

Я быстро оглянулся вокруг в поисках транспорта. У крыльца стояло такси со светящейся табличкой «Свободно». Я рванул туда.

— Едем за тем серым «Фиатом»!

— Чего?

— За серым «Фиатом»! Скорее!

— Эй, тебе тут кино, что ли?

— Нет, это чаевые в десять фунтов! Делай, что говорят!

Водитель послушался. У первого же поворота «Фиат» замедлил ход, так что мы сели ему на хвост.

— Держись за ним! Не теряй из виду!

— Ладно, попробую.

Минут пятнадцать он «пробовал» вполне успешно. Трое арабов в «Фиате» уже начали паниковать. То и дело они оглядывались назад — и каждый раз видели одно и то же: наше такси. Двигались мы к Уэмбли и шоссе М-40, где, видимо, «Фиат» надеялся от нас оторваться. Вдруг один араб на заднем сиденье высунул руку в окно и дважды выстрелил. Одна пуля пролетела мимо, другая пробила аккуратную дыру с левой стороны лобового стекла.

Таксист ударил по тормозам.

— Так, приятель, приехали! За десять фунтов пулю получить — на фиг надо! На такое я и за миллион не соглашусь! Вали отсюда!

Он повернулся ко мне — и уперся взглядом в черное дуло «Беретты».

— Веди или выходи.

Лицо таксиста искривилось, словно он готов был зареветь, а затем сморщилось в нервной ухмылке.

— Знаешь, приятель, я лучше выйду. А то у меня сердце большое... Бензина полный бак. Извини, я не трус, честно, я просто... — бормотал он, уже выпрыгивая из машины.

Не слушая его, я сел за руль, выжал сцепление и с рывком рванул вперед. Арабы, застрявшие в пробке перед светофором, развернуться не могли — мешал огорожен-

ный островок в центре улицы. Они сдали на несколько футов назад, заехали задом на тротуар, и Чингисхан с заднего сиденья выпустил в меня еще две пули. Стрелять в ответ я не решился — слишком много было вокруг машин и людей. Доехав до края тротуара, они остановились: по мостовой им наперерез грохотал огромный грузовик с двумя прицепами. Я вдавил акселератор в пол и с размаху въехал «Фиату» в корму. Такси замерло на месте — но «Фиат» на скользком от дождя тротуаре полетел вперед, как пушечное ядро, и аккуратно вошел в промежуток между передними и задними мостами второго тяжело груженного прицепа. Рев грузовика перекрыл визгливый скрежет металла, словно нога великана раздавила огромную жестяную коробку из-под печенья. На миг «Фиат» скрылся из виду за огромными колесами грузовика, а когда появился снова, капот и багажник его были почти целы, а салон сплюснулся в блин едва ли в десять сантиметров толщиной.

Наверное, секунду или две я ничего не слышал и не сознавал. Потом заметил, что со всей силы вжимаю в пол педаль сцепления. Я чуть приподнял ногу; впереди закрипело. Я отпустил сцепление — и такси рванулось вперед. Под капотом что-то негромко скрежетало. Люди выскакивали из машин и бежали к «Фиату». Грузовик остановился, из кабины выпрыгнул водитель и, явно еще не понимая, что произошло, побрел к прицепу.

Чем скорее отсюда убраться, тем лучше, решил я. Полиция составит свой рапорт, мы — свой, однако полиция и МИ-5 друг друга не жалуют, особенно когда остаются трупы, которые им приходится за нами прибирать. И мне не улыбалось остаток дня провести в полицейском участке, выслушивая ядовитые шуточки ребят из дорожной полиции Илинга.